

ИЗЪ СИСТЕМЫ ПРАВСТВЕННОГО БОГОСЛОВІЯ.

(Продолженіе)*).

§ 36. Обязанности въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ; обязанности совершенныя и несовершенныя; обязанности положительныя и отрицательныя.— Недоразумѣнія и ошибки, отчасти аналогичныя съ недоразумѣніями и ошибками въ разграниченіи дѣйствій должныхъ и сверхдолжныхъ, повторяются и въ разграниченіи обязанностей въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ, обязанностей совершенныхъ и несовершенныхъ, и обязанностей положительныхъ и отрицательныхъ. Хотя это разграниченіе на первый взглядъ представляется правдоподобнымъ и свидѣтельствуетъ о стремленіи къ точному анализу понятія обязанности, но на самомъ дѣлѣ оно поверхностно и исчезаетъ предъ болѣе точнымъ анализомъ. Оно можетъ быть оправдываемо развѣ съ схоластической точки зрѣнія.

Обязанностями въ тѣсномъ смыслѣ называютъ такія обязанности, которыя не оставляютъ мѣста соображеніямъ и различнымъ толкованіямъ, которыя опредѣленны, точны и строги; напр., обязанности не убивать, не воровать, платить долги и т. п. Обязанностями же въ широкомъ смыслѣ называютъ такія обязанности, которыя не опредѣляютъ съ точностію возможныхъ видовъ, способовъ и мѣры осуществленія ихъ и оставляютъ довольно мѣста для субъективнаго толкованія; напр., обязанности благотворить немну-

*) См. Труды Киев. дух. Академіи на и. май, 1890 г.

щитъ, содѣйствовать умственному и нравственному преуспѣванію ближнихъ, заботиться о своемъ собственномъ образованіи и т. п. Обязанности въ тѣсномъ смыслѣ называютъ также обязанностями совершенными, а обязанности въ широкомъ смыслѣ называютъ обязанностями несовершенными. Первые называютъ еще отрицательными, воспреещающими совершать зло, а послѣднія—положительными, заповѣдующими совершать добро.

Но если сообразимъ сообщенное нами выше ¹⁾ понятіе объ обязанности, то не будетъ ли противорѣчивымъ говорить объ обязанности „въ широкомъ смыслѣ“? Не предполагается ли каждою обязанностію идея строгости и обязательности въ тѣсномъ смыслѣ? Не совершается ли также извращеніе нравственнаго взгляда на предметы, если мы обязанности благотворить немущимъ, содѣйствовать нравственному и умственному преуспѣванію ихъ, однимъ словомъ—любить ближнихъ отъ всего сердца, назовемъ несовершенными обязанностями; обязанности же не воровать, уплачивать долги и т. п. назовемъ совершенными обязанностями? Наконецъ, не ясно ли, что обязанности отрицательныя могутъ быть выражены и въ положительной формѣ, а обязанности положительныя могутъ быть выражены отрицательно. Напр., вмѣсто—„никогда не обманывай“ можно сказать—„всегда будь правдивъ“; вмѣсто—„люби ближнихъ“ можно сказать—„не будь эгоистомъ“.

Ошибка разграничивающихъ обязанности въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ слова и обязанности совершенныя и несовершенныя состоитъ въ томъ, что они *свойство предметовъ*, на которые направляется обязанность, и *различные способы применія* обязанности смѣшиваютъ съ *самою обязанностію*, съ ея сущностію. Напримѣръ, я занялъ у кого либо сто рублей. Исполненіе обязательства въ данномъ случаѣ весьма

¹⁾ Чит. и. Май, стр. 26 и д.

очевидно: я обязанъ возвратить моему кредитору не иное что, какъ именно сто рублей. Но вотъ кто либо оказалъ мнѣ услугу. Я обязанъ быть благодарнымъ ему за это. Но какъ и при какихъ обстоятельствахъ возблагодарить мнѣ за оказанную услугу—это уже не такъ ясно и опредѣленно, какъ въ первомъ случаѣ. Болѣе тонкое свойство предмета обязанности дѣлаетъ исполненіе обязанности менѣе опредѣленнымъ, предоставляетъ больше мѣста личнымъ соображеніямъ и личной инициативѣ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, будто обязанность—быть благодарнымъ менѣе строга и совершенна, чѣмъ обязанность платить долги.

§ 37. Антиномизмъ или либертинизмъ.—Христіанскому ученію о нравственномъ законѣ и объ отношеніи его къ свободной волѣ челоуѣка приходится бороться не только съ номизмомъ, но и съ антиномизмомъ или либертинизмомъ. Если номизмъ, отрицая духъ закона и держась буквы, устанавливаетъ ветхозавѣтное, внѣшнее отношеніе челоуѣческой воли къ нравственному закону, то антиномизмъ, во имя духа свободы и независимости отъ внѣшнихъ ограниченій, попираетъ законъ, представляетъ игнорированіе и нарушеніе его дѣйствіемъ правымъ съ высшей точки зрѣнія или ради достиженія высшихъ цѣлей. Противъ этой теоріи направлены уже слова ап. Петра: „яко свободни, а не яко прикровеніе имуще злобы свободу, но яко раби Божіи“ (т. е., христіане, „какъ свободные, не должны употреблять свободу для прикрытія зла, но должны поступать, какъ рабы Божіи“¹⁾).

Можно различать нѣсколько видовъ антиномизма. Первый видъ его состоитъ въ злоупотребленіи христіанскимъ ученіемъ о благодати. Слова ап. Павла—„идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать“²⁾ нѣкоторые секты

¹⁾ 1 Петр. 2, 16.

²⁾ Римл. 5, 20.

толковали въ томъ смыслѣ, что позволительно грѣшить, чтобы изобильнѣе истекала благодать и чтобы крѣпче чело-вѣкъ убѣждался въ силѣ благодати. Да и въ настоящее время не мало можно найти христіанъ, которые готовы грѣшить на счетъ благодати. Они знаютъ, что источникъ благодати не иссякаемъ, и что прощеніе всегда готово въ христіанской церкви; потому, хотя совѣсть упрекаетъ ихъ въ виду намѣренія совершить нѣкоторыя непохвальныя, а можетъ быть и положительно безнравственныя дѣйствія, но они успокаиваютъ себя мыслию о благодати и прощеніи. „Богъ проститъ“—часто слышится между нами и въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовало бы сказать—„Богъ накажетъ“. Тотъ же апостолъ, который сказалъ—„идѣше умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать“, говоритъ: „что убо речемъ; пребудемъ ли во грѣсѣ, да благодать приумножится; да не будетъ. Иже бо умрохомъ грѣху, како паки оживемъ въ немъ“¹⁾; И еще: глаголютъ нѣцыи насъ глаголати, яко сотворимъ злая, да придуть благая: ихже судъ праведенъ есть“ (т. е., „нѣкоторые говорятъ, будто мы учимъ дѣлать зло, чтобы вышло добро. Праведенъ судъ на таковыя“²⁾). Кто злоупотребляетъ благодатию и прощеніемъ, для того не умножаются, а пресѣкаются благодать и прощеніе; а для кого пресѣкается источникъ благодати и прощенія, тотъ остается одержимымъ своими грѣхами. Изобиліе въ новомъ завѣтѣ благодати Божіей должно возбуждать не въ прегрѣшеніямъ на счетъ благодати, а напротивъ—къ новой ревности въ исполненіи воли Божіей и къ стремленію удостоиться этимъ способомъ благодати.

Второй видъ антиномизма вытекаетъ изъ разграниченія „высшаго нравоученія“, годнаго будто только для находящихся на низшей степени нравственнаго состоянія, и „нравоученія высшаго“, составляющаго будто привилегію находя-

¹⁾ Римл. 6, 1, 2.

²⁾ Римл. 3, 8.

щихся на высшей степени нравственного состоянія. Въ древнее время такое разграниченіе дѣлалъ гностици. Они полагали существенное различіе между людьми душевными (ψυχικοί) и духовными (πνευματικοί); и только для первыхъ, какъ низшихъ, считали обязательнымъ и необходимымъ соблюденіе „обычной“, какъ они выражались, морали, требующей участія въ богослуженіи и соблюденія всѣхъ внѣшнихъ порядковъ нравственной жизни; духовныхъ же людей, подъ именемъ которыхъ разумѣлись гностики, считали свободными отъ всего внѣшняго, доходя до исключенія слова Божія и таинствъ. Какіе результаты давала эта мимо высшая мораль, можно видѣть на примѣрѣ знаменитаго Епифана, который 17-ти лѣтъ палъ жертвою разврата, руководствуясь принципомъ необращенія вниманія на все внѣшнее. А другіе (напр. Маркіонъ) предавались ложному аскетизму.

Въ наше время слѣды гностическаго разграниченія низшаго и высшаго нравственія можно встрѣчать въ высшихъ, такъ называемыхъ „образованныхъ“ классахъ общества. Здѣсь нерѣдко соблюденіе постовъ, посѣщеніе церкви, молитва, участіе въ таинствахъ, соблюденіе, дагѣ, супружеской вѣрности, правдивость въ словахъ и т. п. вѣняются въ ничто, какъ принадлежность „простаго народа“; „образованный“ человѣкъ, говорятъ, можетъ смотрѣть на эти вещи свободнѣе. Чтѣ съ точки зрѣнія простаго народа—грѣхъ, тѣ съ высшей точки зрѣнія человѣка „образованнаго“ и „современнаго“—не грѣхъ, или по крайней мѣрѣ дѣло не важное. Вотъ, напр., фактъ, взятый нами изъ жизни. Одна женщина изъ высшаго класса общества воспрещала своей малолѣтней дочери (посѣщавшей гимназію и слушавшей тамъ Законъ Божій) креститься предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, поучая дочь, что „крестятся только мужики“. Въ особенности же, говорятъ, въ правѣ свободно относиться къ предписаніямъ „обычной морали“ люди выдающіеся, генидальные. Эти люди сами для себя законъ; нельзя же вѣдѣ

измѣрять ихъ по мѣрѣ „обыкновеннаго человѣка“ и повелѣвать и запрещать имъ все то, что повелѣвается и запрещается обыкновенному человѣку. Если, напр., Пушкинъ или Дармонтонъ дрались на дуэли, то это, быть можетъ, скорѣе свѣтлая, чѣмъ мрачная черта въ ихъ гениальной жизни. Разсуждая такимъ образомъ, забываютъ, что каждый изъ насъ долженъ быть обсуждаемъ прежде всего какъ *человѣкъ*, а не какъ гений; а въ этомъ случаѣ къ нему всецѣло примѣнима та мѣрка, которою измѣряется каждый человѣкъ, — мѣрка совѣсти и откровеннаго закона Божія. Этою мѣркою должны быть измѣряемы и всѣ классы общества, а не низшіе только. Нѣтъ точки зрѣнія высшей совѣсти и откровеннаго закона Божія; если же кто воображаетъ себя стоящимъ на высшей точкѣ зрѣнія, то это пустое мечтательство, въ интересъ, конечно, освобожденія себя и плоти своей отъ тягости закона, отъ божественнаго требованія самообузданія и самоотверженія.

Третій видъ антиномизма можно назвать антиномизмомъ дипломатическимъ или политическимъ. Онъ состоитъ въ разграниченіи обыкновенной морали для частной жизни человѣческой и высшей морали для жизни государственной. Если въ частной жизни нравственный законъ долженъ быть соблюдаемъ при всѣхъ случаяхъ, и права ближняго должны быть всегда уважаемы, то въ жизни государственной можно, по требованію обстоятельствъ, или въ виду высшихъ политическихъ цѣлей, обходить требованія совѣсти и нравственнаго долга, — можно иногда разрушать трактаты, нарушать присягу, не сдерживать данное слово и т. п. Во всѣхъ странахъ есть, благодареніе Богу, государственные мужи, старающіеся согласовать политику съ моралью; но есть и такіе, которые „куютъ мораль“ согласно съ своими государственными интересами и цѣлями. Но тогда забываютъ, что честность имѣетъ для человѣка значеніе всегда и во всѣхъ отношеніяхъ, что истинная политика основывается на справедливости, слѣд. — на требованіяхъ правоученія,

Четвертый видъ антиномизма—антиномизмъ іезуитскій. Выше мы признали направленіе іезуитской морали номистическимъ. И оно дѣйствительно таково по происхожденію и по цѣли своей: явившись реакціей реформаторскому и всякому свободному движенію духа, іезуитизмъ усиливался покорить всѣхъ и все авторитету и волѣ папы. Но поставивши для своихъ дѣйствій такую односторонно номистическую и сервилистическую цѣль, онъ достигалъ этой цѣли столь же односторонними антиномистическими и либералистическими средствами; онъ училъ, что цѣль освящаетъ средства,—что можно дѣлать отступленія отъ закона, употреблять и противозаконныя средства, если ими достигается предуглавленная цѣль. Такимъ образомъ іезуитская мораль представляетъ собою чудовищное сочетаніе номизма и антиномизма; она есть въ высшей степени хитросплетенная мораль. Чтобы видѣть хитросплетенность и антиномистическій характеръ іезуитской морали, достаточно указать на слѣдующіе пункты ея. Такъ: можно говорить, даже во время присяги, одно, а про себя подразумѣвать другое; и тогда человекъ неповиненъ во лжи и клятвенномъ преступленіи. Или: кто совершаетъ прелюбодѣніе или воровство не ради прелюбодѣнія или воровства, а ради чадородія и пользы своей, тотъ не грѣшитъ, такъ какъ чадородіе и польза суть добрая цѣль. Тоже можно сказать и о другихъ грѣхахъ; гдѣ нѣтъ намѣренія совершить грѣхъ, тамъ нѣтъ и грѣха, хотя бы совершенное дѣйствіе было предательскимъ, воровскимъ, разбойническимъ. Еще: іезуитская мораль чезмѣрно расширила область такъ называемаго у католиковъ „простительнаго“ или легкаго грѣха (объяденіе и пьянство, корыстолюбіе, праздность и т. п.—все это простительныя или несмертныя грѣхи, не требующіе исповѣди). А тяжкіе или смертныя грѣхи легко превращаются іезуитами въ простительныя или несмертныя посредствомъ выискиванія извиняющихъ условій. Далѣе, основаніемъ для извиненія грѣховъ и даже совершеннаго оправданія ихъ

служить у іезуитовъ такъ называемый „пробабилизмъ“ (теорія правдоподобія или вѣроятности). Пробабилизмомъ называется у нихъ возможность представить въ оправданіе извѣстнаго непохвальнаго дѣйствія свидѣтельство или мнѣніе нѣсколькихъ или даже одного іезуитскаго учителя. А едва ли есть грѣхъ, въ оправданіе котораго нельзя было бы представить свидѣтельство или мнѣніе, порывшись къ іезуитскимъ сочиненіямъ. Да притомъ мнѣніе одного учителя можно „при обстоятельствахъ“ предпочитать, по іезуитскому ученію, мнѣнію многихъ.

Изъ всего сказаннаго объ антинормизмѣ видимъ, что онъ возникалъ или изъ ложной тенденціи идеалистической, или изъ ложной тенденціи практической. Гостики и всѣ уподобляющіеся имъ проповѣдуютъ антинормизмъ вслѣдствіе фальшиваго стремленія своего къ идеализму; а іезуиты сдѣлались антинормистами вслѣдствіе фальшиваго стремленія къ практицизму. Они копируютъ свою мораль съ дѣйствительной жизни; какъ на самомъ дѣлѣ живетъ испорченный грѣхомъ человѣкъ, такъ проповѣдуетъ и ихъ мораль. А такимъ послабленіемъ они имѣли въ виду завлечь въ свой „золотой неводъ“, какъ они выражались, возможно большее число послѣдователей. Понятно, что на народную нравственность іезуитское ученіе производило не возвышающее, а развращающее вліяніе. Потому-то въ глазахъ сколько нибудь добросовѣстныхъ людей іезуиты потеряли всякое уваженіе къ себѣ. Правительства почти всѣхъ странъ Европы старались уничтожить іезуитскій орденъ. И въ настоящее время со словомъ „іезуитъ“ у всѣхъ соединяется представленіе человѣка непрямодушнаго, двуличнаго, дѣлающаго всевозможные подкопы для уничтоженія своихъ противниковъ и для осуществленія своихъ цѣлей.

§ 38. Коллизія обязанностей. Казуистика.—Хотя долгъ у каждаго человѣка одинъ, но онъ развѣтвляется на множество обязанностей. Слѣд., у каждаго человѣка множество обязанностей; посредствомъ исполненія этихъ обязанностей каж-

дый изъ насъ исполняетъ свой долгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственный законъ. Задача каждаго изъ насъ состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о гармоническомъ расположеніи и своевременномъ выполненіи своихъ обязанностей,—чтобы каждая обязанность имѣла „свое время“¹⁾, и чтобы одна обязанность не сталкивалась съ другою. Однако въ жизни человѣческой такое столкновеніе часто происходитъ; оно называется коллизіей обязанностей (*collisio officiorum*). Въ этомъ случаѣ человѣку предлежитъ въ одно и тоже время исполнить двѣ обязанности (что невозможно), или даже исполненіемъ одной обязанности нарушить другую обязанность.

Нѣкоторые правоучители отвергаютъ возможность коллизіи обязанностей²⁾; они допускаютъ только коллизію склонностей съ обязанностями (коллизіа неподлежащая сомнѣнію). Дѣйствительно такъ, если разсматривать обязанности сами по себѣ, отвлеченно отъ эмпирической жизни человѣческой. Въ этомъ случаѣ обязанности не могутъ противорѣчить самимъ себѣ или сталкиваться, какъ не можетъ противорѣчить себѣ воля Божія, изъ которой вышли наши обязанности. Не могло бы быть коллизіи обязанностей и въ томъ случаѣ, если бы жизнь человѣческая текла и развивалась нормально, если бы въ міръ не вошелъ грѣхъ и не разстроилъ человѣческую жизнь. Но такъ какъ въ міръ произошло разстройство, то отсюда и коллизіи обязанностей. Напр., Иродъ поклялся дать плясунѣ все, чего она попроситъ; она попросила главу Іоанна Крестителя. Здѣсь, очевидно, коллизіа двухъ обязанностей: обязанности соблюсти клятву и обязанности не причинять безвинно смерти человѣку. Или вотъ въ мой домъ забѣжалъ преслѣдуемый убійцею человѣкъ и умоляетъ меня скрыть его; я скрылъ его;—въ этомъ случаѣ мнѣ предлежитъ или сказать

¹⁾ Еккл. 3, 1.

²⁾ Къ этому мнѣнію склоняется и нашъ русскій богословъ прот. Яншинъ. Ученіе о нрав., стр. 61. 62.

неправду, заявивши преслѣдующему невинную жертву, что она нѣтъ у меня, или же выдать преслѣдуемаго и нарушить обязанность любви къ нему, поступить безжалостно. Еще примѣръ, заимствованный у англійскаго моралиста Фюргензона. Вотъ я иду къ моему кредитору, чтобы уплатить сегодня долгъ, согласно обѣщанію. Но на пути я увидѣлъ бѣднаго мальчика, который лежитъ распростертымъ на свѣжей могилѣ своего отца. Я подошелъ къ нему, ободрилъ его и отдалъ ему тѣ деньги, которыхъ ежеминутно ожидалъ мой кредиторъ. Здѣсь, очевидно, коллизія между обязанностію права и обязанностію любви; исполнивши обязанность любви, я преступаю обязанность права.

Иные правоучители допускаютъ только такъ называемыя субъективныя коллизіи обязанностей; т. е. думаютъ, что если какой человѣкъ запутывается въ коллизію, то вина коллизіи всегда заключается въ немъ самомъ, въ недостаткѣ у него нравственнаго образованія и нравственной мудрости, устранивающихъ коллизію. Дѣйствительно, причина большей части коллизій заключается именно въ этомъ обстоятельствѣ. И потому-то, напр., по мѣрѣ нравственнаго просвѣщенія коллизіи убавляются. Напр., Орестъ считаетъ священною обязанностію своею отомстить за смерть отца; но чтобы выполнить эту обязанность, онъ долженъ убить свою мать, такъ какъ убійца отца есть его мать. Для христіанина такая коллизія не существуетъ; у него понятія и взгляды иные. Вообще, во Христѣ даны намъ основаніе и надежда на примиреніе и возможное устраненіе коллизій; чрезъ Него мы выведены, по выраженію апостола, „изъ тьмы“ и введены въ царство „свѣта“¹⁾. Но и въ христіанскомъ мірѣ возможны коллизіи; и не только „субъективныя“, но и „объективныя“, т. е. такія, виновность въ которыхъ падаетъ не на то въ частности лицо, которое запуталось въ коллизію,

¹⁾ Колос. 1, 12. 13.

не на недостатокъ нравственной мудрости и нравственной сноровки, а вообще на разстроенное и испорченное состояніе всего нашего міра и человѣчества. Напр., воинъ обязанъ оставить свое семейство, хотя бы оно находилось въ крайне бѣдственномъ положеніи, и идти въ военную службу и на войну. Здѣсь, очевидно, сталкиваются любовь къ семейству съ любовью къ отечеству; и виновность этой коллизіи падаетъ не на война лично, а вообще на настоящій міропорядокъ, не мыслимый безъ войны. Или, напр., ученый вынужденъ прибѣгать къ вивисекціямъ (т. е. къ искусственнымъ экспериментамъ надъ животными). Здѣсь опять сталкиваются двѣ обязанности: обязанность развивать науку и обязанность состраданія къ живымъ существамъ; и причина этой коллизіи лежитъ не въ ученюмъ лично, а гораздо дальше. Или гдѣ причина жестокой коллизіи юнаго сербскаго короля Александра, котораго родители живутъ въ раздорѣ? Очевидно, не въ самомъ Александрѣ. А мало ли такихъ дѣтей, которымъ отецъ запрещаетъ то, что мать повелѣваетъ, и наоборотъ. Или виновенъ ли мужъ, котораго родители находятся во враждѣ съ его женой, и онъ не въ состояніи примирить обязанностей къ женѣ съ обязанностями къ родителямъ? Но всегда причина коллизій заключается въ грѣхопаденіи человѣка, произведшемъ разстройство въ мірѣ.

Въ средніе вѣка образовалась цѣлая наука (какъ она называла себя)—казуистика, поставившая себѣ задачу—разрѣшать сомнительные и запутанные случаи совѣсти (*casus conscientiae*). Но съ теченіемъ времени эта „наука“ потеряла кредитъ, вслѣдствіе искусственности и непригодности ея для жизни, и даже развращающаго вліянія ея на общество. Казуисты стремились предусмотрѣть всякій возможный случай нравственной жизни (даже на самомъ дѣлѣ никогда не встрѣчающійся) и создать для него правило; но выполненіе такой задачи и невозможно, и излишне. И за-

нимались они часто такими предполагаемыми случаями, о которых лучше бы умолчать. Остатки казуистики можно видѣть въ современномъ католическомъ правоученіи. Протестантскіе же богословы рѣшительно заявляютъ, что правоученіе не имѣетъ никакого дѣла съ казуистикой; во всѣхъ сомнительныхъ и запутанныхъ случаяхъ должнѣ рѣшать дѣло, по ихъ мнѣнію, единственно совѣсть человѣка, его моральный тактъ; никакія правила не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Мы же православные избираемъ средній путь; онъ и есть путь истинный.

Прежде всего необходимо заботиться о предупрежденіи коллизій, и въ особенності такихъ, въ которыхъ повинны мы сами. Напр., я по лѣности или небрежности не исполнилъ въ данное время какой либо срочной работы; въ слѣдующее время уже произойдетъ столкновеніе двухъ работъ — прошедшей и настоящей. Для предупрежденія подобнаго рода коллизій необходимо позаботиться о телеологическомъ (т. е. цѣлесообразномъ) распредѣленіи времени. Нужно распредѣлить время такъ, чтобы все исполнялось въ свое время („всему часть, и время всякой вещи подъ небомъ“, говорить Екклесіастъ ¹⁾). Тогда всѣ обязанности наши вступятъ въ правильное отношеніе и гармонію между собою, и время не будетъ казаться намъ ни слишкомъ длиннымъ и скучнымъ, ни слишкомъ короткимъ и недостаточнымъ для исполненія всѣхъ нашихъ обязанностей.

Надобно также зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не счесть за дѣйствительную коллизію ложной коллизіи, кажущейся, именно коллизіи между обязанностію и склонностію. Напр., жадный къ деньгамъ не рѣдко прикрываетъ свою страсть обязанностію заботиться о семействѣ; склонный къ обману и воровству часто оправдывается недостаткомъ насущнаго хлѣба и т. д. Къ тому же классу кажущихся коллизій при-

¹⁾ Гл. 3, 1.

побѣдителемъ изъ самыхъ запутанныхъ обстоятельствъ. Изъ евангельскихъ сказаній мы знаемъ, что для Іисуса Христа не существовало никакихъ коллизій. Самыя хитро-сплетенныя сѣти фарисеевъ разрывались, подобно паутинѣ, предъ Его всесвѣтлымъ взоромъ и чистымъ намѣреніемъ ¹⁾. Слѣд., кто истинный ученикъ и послѣдователь Христовъ, тотъ можетъ надѣяться на благополучное разрѣшеніе коллизій и на сохраненіе чистоты и спокойствія совѣсти. Если же ему и случится иногда изъ-за исполненія одной обязанности оставить неисполненною или отодвинуть на время въ сторону другую, то онъ найдетъ оправданіе и успокоеніе въ той мысли, что онъ не потому не исполнилъ ее или отодвинулъ въ сторону, что не хотѣлъ исполнить, а потому, что не въ состояніи былъ одновременно исполнить двухъ обязанностей. Намѣреніе же его всегда направлено на совершенную телеологию, т. е. на цѣлесообразное сочетаніе всѣхъ обязанностей.

§ 39. Консерватизмъ и прогрессъ.—Тѣ же нравственныя начала, которыми мы руководствуемся въ своей частной жизни, должны служить основаніемъ и для жизни общества, т. е. для совокупности человѣческихъ индивидуумовъ. Слѣд., если мы разграничили въ нравственномъ законѣ измѣняемую и неизмѣняемую сторону, сторону незыблагаго авторитета и сторону личной свободы, то эти двѣ стороны должны имѣть мѣсто и въ устроеніи и развитіи общества. Въ устроеніи и развитіи общества всегда можно различать божескую и человѣческую сторону. Общество всегда устроится на основаніи извѣстныхъ божественнымъ опредѣленій и указаній, и эти опредѣленія и указанія всегда остаются одними и тѣми же. Но эти опредѣленія и указанія примѣняются и специализируются въ жизни подвижными и свободными силами человѣческими. Даже въ устроеніи и развитіи церкви, кромѣ Божескаго правящаго начала, участвуетъ и человѣческій факторъ. Этотъ факторъ сказывается въ особенности въ церковно-дисциплинарной жизни церкви. А тѣмъ болѣе

¹⁾ Чит. Матѳ. 22, 15 и дал.; Іоан. 8, 3 и д.

въ образованіи и развитіи государствъ открывається широкое поле для дѣятельности человѣческой воли; но въ тоже время и здѣсь есть нарушимыя и неизмѣняемыя основы.

Разрушеніе правильнаго отношенія между двумя указанными сторонами или факторами заявляетъ себя въ формѣ односторонняго консерватизма и односторонняго прогрессизма или радикализма. Ложный консерватизмъ характеризуется вязкостію, неподвижностію, безжизвенностію; онъ упорно привязанъ къ существующему порядку вещей и съ ненавистію относится ко всякой попыткѣ произвести измѣненіе въ этомъ порядкѣ, хотя бы теченіе времени и божественное міроуправленіе указывали на необходимость реформы. Для примѣра можно указать на фарисеевъ, изъ древняго времени, и инквизиторовъ, изъ новаго времени. Первые распяли Іисуса Христа, возвѣщавшаго новое ученіе, а послѣдніе жгли на кострахъ казавшихся имъ еретиками. Ложный же прогрессизмъ или радикализмъ характеризуется неосмотрительностію, поспѣшностію, хрупкостію, ломкостію; онъ пренебрежительно относится ко всему прошедшему, думаетъ, что теперь можетъ начать съизнова исторію; онъ строить на пескѣ. Для примѣра можно указать на французскихъ революціонеровъ 18-го вѣка и современныхъ либераловъ и радикаловъ Запада, доходящихъ до совершеннаго изгнанія церкви и религіи, даже всякаго вообще авторитета изъ общества (соціалисты).

Между тѣмъ и консерватизмъ, и прогрессизмъ содержать въ себѣ элементы истины, и слѣдуетъ только собрать ихъ и соединить во-едино, чтобы составила истинная и полная теорія общества. Истина прогрессизма состоятъ въ томъ, что все живое требуетъ постояннаго движенія, развитія, возрожденія, возрастанія; а истина консерватизма состоятъ въ томъ, что развитіе, возрастаніе возможно не иначе, какъ на прочной почвѣ; все новое можетъ быть истиннымъ и плодотворнымъ только тогда, если возникаетъ на почвѣ прежде даннаго стараго и на немъ опирается.

М. Олесницкій.

(Продолженіе будетъ).